

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

АЛЕКСАНДР ШТИХ

**ИСТЛЕВШИХ ЛЕТ
ЖИВЫЕ СНЫ**

Избранные стихотворения

Водолей Publishers
Москва – 2008

ББК 84Р7-5
Ш91

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
В. В. Емельянов (Россия),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
В. А. Синкевич (США),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
Л. С. Флейшман (США)

Составление и подготовка текста
А. Ю. Сергеевой-Клятис и С. В. Смолицкого
Биографические сведения *С. В. Смолицкого*
Послесловие *А. Ю. Сергеевой-Клятис*

ISBN 978-5-9796-0110-6 © С. В. Смолицкий,
составление, биографические сведения, 2008
© А. Ю. Сергеева-Клятис,
составление, послесловие, 2008
© Водолей Publishers, 2008

**ИЗ КНИГИ «СТИХИ»
(М., 1916)**

* * *

И открывал мне каждый поворот
Иные и неведомые дали.
А я забыл, что дома у ворот
Меня покинутые ждали.
А я забыл и шел, и падал каждый шаг,
Как мысль о том, что я один на свете...
Чертила даль таинственный зигзаг
И мне лгала о жизни... о поэте.
О мне самом лгала... А разве я что знал
О вечности, покинутой для дали...
– Меня мой дом опустошенный ждал,
Меня покинутые ждали.

Март 1913

ОСЕНЬ

Б. Пастернаку

Тихо и печально в роще опустелой,
Только бьется грустно пожелтевший лист.

Воздух онемелый
В хрустале лазури, как забвенье чист...

Тихо и печально...

Солнце холоднее... По утрам в тумане
Долго цепенеет грустная земля.
Тучи, словно к ране,
Льнут к земле, покоя черные поля...

Солнце холоднее...

И покорно сердце сну, который долог.
Длится, длится, длится сумрак огневой...
Тихий росный полог
Опустила осень грустно над землей...

И покорно сердце...

Октябрь 1913

ПЕПЕЛ

Д.Л.

Когда закат свой пепел сложит
У ног замолкшего в пути,
Он знает: сердце не поможет
Непостижимое найти.

Он знает: день сгорел напрасно,
Уйдя, как прах, в ночную муть.
И серый город спит бесстрастно,
Смежив очей гранитных жуть.
Один... один в тоске созвучий,
Вплетенных в почерневший свод.
О, как пустого сердца – круче
И непостижнее восход...
И с высоты пронзен лучами,
Распятый звездною тоской,
– Один – печальными глазами
Не дремлет ночью над землей.

Декабрь 1913

* * *

– Тишина одинокого ложа
И комода безмолвный зигзаг...
За окном одинокий прохожий
Взносит к звонкому небу свой шаг.
И в плену холодеющих стекол,
В предрассветной синеющей мгле,
Узнаю я свой очерк поблеклый
– За окном, на холодной земле.
Но лишь утро тревогу творенья
Бросит в горн своих снов золотой,
Уж ночей твоих смутные звенья
Цепенеют в лазури мечтой.

И – шагов своих сам не узнавший,
Что ты скажешь, прохожий ночной,
Когда в небе, в тоске отзвучавшей
Ты узнаешь свой очерк земной!

Январь 1914

ОДИНОЧЕСТВО

Трещит вентилятор, словно сверчок
Городской, – унылый.
Небо твердит старый урок
Над моей могилой,

– Над серым домом, где печаль.
Тихо... пусто...
И никому, никому не жаль,
Что мне грустно.

Январь 1914

НОЧНЫЕ КОЛОКОЛА

В печальной яви всё те же дали,
Всё тот же город в тоске ночей.
И стынет камень... но сестры ждали
В глухой печали забытых дней.
Всё тот же город, ночной и черный,
И я всё тот же... Тогда о чем?..

Осенний дождь, как плевел – сорный
Стекланным город сечет мечем.
И дали колки. Дождя осколки
Легли на землю, как зеркала...
Ты слышишь, Боже! Как в поле волки,
Гудят ночные колокола.
И в мгле туманной, глухой и влажной,
Колеблясь, тонет – опять она...
Ты знаешь, Боже, чей вздох протяжный
Хранит покорная тишина.

Сентябрь 1913

* * *

Истаяло сердце весенней капелью,
Усталой истомой чернеющих вод.
О, город мой, город, что всходит свирелью
В залитый слезами глухой небосвод!
Всё выше и выше... Туманные кровли
Сереют в невидной глухой высоте,
– Как сети, заброшены в небо для ловли,
Сведенные глухо к таимой черте.
И в муке камней разбитых – единый,
О, город мой, город! С своей высоты,
Как сердце глухое, печальной Ундиной
В усталой истоме истаял и ты.

Февраль 1914

ПЕСНЯ О КАСПАРЕ ГАУЗЕРЕ¹

Из темного подземелья
Выходит на свет Каспар.
И всюду – пути веселья,
И солнечный угар.

И смутному сердцу трудно:
Так новы все черты...
Ушедшее непробудно
Глядит из темноты.

Но солнце дрожит, струится,
И воздух – как веток хруст...
И вот он уже стремится
За тайной улыбкой уст.

¹ Он объявился в Нюрнберге в 1828 году, не умел говорить, едва ходил. Выяснилось, что этот подросток, Каспар Гаузер, с самого раннего детства содержался в темном подвале, общался лишь со своим тюремщиком. Некий юрист провел расследование и выяснил: Гаузер – отпрыск великого герцога Баденского. Разразился скандал, страсти накалялись. В декабре 1833 года на Каспара совершили покушение, юноша был убит. Впоследствии этой теме посвятил свой роман Якоб Вассерман («Каспар Хаузер, или Леность сердца»), а Поль Верлен – стихотворение «Каспар Гаузер поет». Психологи, юристы, историки, медики и педагоги изучали жизнь Гаузера. Появились комплекс, синдром и эксперименты Каспара Гаузера. Еще позже по его истории сняли два фильма. В 1996 году был проведен анализ ДНК, давший однозначно отрицательный ответ на вопрос о его благородном происхождении.

– Склоняется покорно,
Роня робко слова:
«Я бедный Каспар Гаузер...
Судьба моя мертва...

И меня вы научите смеяться,
Научите любить...»
(Как улицы струятся,
Обрывая солнца нить.)

Пламенеет уж полдень жгучий
Над телами безмолвных плит,
Колокол где-то певучий
Жаркою медью звенит.

И Каспар рыдает, бедный
У зеркального крыльца,
Где в венчике ручки медной
Дрожит золотая пыльца.

Апрель 1914

ВОКЗАЛ

В звенящей пустоте асфальта,
Облившего немой перрон,
Поднялся утренний Риальто
Разлуки, сдерживая сон.

Две светлых нити уводили
За потрясенный небосклон,
Где дымы черные кадили
Благовещеньем похорон.
И было небо – просто далью,
Такой же синей, как глаза
Под опечаленной вуалью,
Укрывшей ночи чудеса.
И в пенье меди трепетала
Такая узкая рука,
Что вся душа изнемогала
В угрозе третьего звонка.

1915

БАЛАГАН

Вопль обуглившихся терций
На тугом разрыве струн...
Бейте, бейте в бубны сердца,
Рассеяв севы рун.

На позорище подмостков –
Видите – любовь шута.
Бич взрывает воздух хлестко...

И в бешеном галопе
(В нем круг, весь круг земной)
Арена горе топит
Обугленной струной.

И отблеск лун продажных
Позорной синевой
Стоит на тяжкой страже
У двери, где миражи
Идут за золотой.

1915

ПРИЗНАНИЕ

И это – просто, как отчаянье:
Вам не нужна любовь моя.
И вот, опять слова отчалили
В недостижимые края.

И часы, томясь зевотой,
Стопчут чаяний гряды,
День блестящей позолотой
Скроет тусклые следы.

И тщетно, тщетно к далям сдвинутым
Я стану руки простирать.
Мечтам и снам, за вечность кинутым,
Уже не обратиться вспять.

И от мстительной свободы
Убегает горько взгляд...
Подан знак и плещут воды,
Сходни жалобно скрипят.

– И вот слова, как днесь, отчалили
В недостижимые края.
И это – просто, как отчаянье:
Вам не нужна любовь моя.

Май 1915

* * *

О, эти призрачные вещи,
И тленность, тленность без конца!..
Узор очарований резче
Уже плененного венца.

И пусть слова давно убоги,
Облекши призрачную плоть:
Лишь нищий ведает дороги,
По коим шествует Господь.

И у изломленного края
Скажу ль – какого – бытия,
Медлительно изнемогая,
Скользит пленительная стая
В непостижимые края.

Май 1915

* * *

Смотрите, из какой гавани
Плывут эти корабли,
И как везут слова они
Об ней, об Аннабель Ли.

И кто на вахте печальной
Стоит долгую ночь,
И утром, взяв знак сигнальный,
Шатаясь уходит прочь.

Послушайте, ведь Вы не знаете
Бессонницы земли,
Хотя и книги читаете
Об ней, об Аннабель Ли.

О ней писали поэты
В свой вдохновенный час...
А мне все чужды заветы,
Потому что я знаю Вас.

И Вы мне всех дороже –
И поэтов, и Аннабель Ли...
Но взор мой Вас не встревожил,
Когда Вы мимо шли.

Я матрос простой с океана,
И меня не заметить Вам,

И не поверить (как странно!)
Неискусным словам.

Июль 1915

* * *

Поставив парус голубой,
Июльский день отчалил.
И вот – смотри, уж за кормой
Забывтые печали.

Реки певучее стекло
Стихает в пене Леты...
(Какой изменой дотекло
Очарованье лета!..)

И свет в блистательной борьбе
Горит огнем полудней.
И сны (скажу ль, что о Тебе!)
Светлей и непробудней.

Июль 1915

ТОСКА

Скажите, что может быть проще,
Чем эта шалая грусть,

Когда даже сердце не ропщет,
А знает одно только: пусть!

И знает одно только: снова
Полночного бреда лицо
Мелькнет из камина пустого
И выгонит на крыльцо.

И скрипом закрывшейся двери
Напутствуем в сиром краю,
Над гарью угасших поверий
Лишь тень ты обнимешь свою.

Сентябрь 1915

* * *

И слесарь бы умер, и ключ бы сломался.
Испанская народная песня.
Перевод Бальмонта

Сломался ключ. И слесарь умер. Бледный
Закат вставал над северной весной.
Архангел пел еще свой гимн победный,
Но голос глох, задушен тишиной.

О, сколько солнц над сном земной юдоли,
И мы на дне, вдвоем – как близнецы,
Что всходят ночью на лазурном поле,
Былых времен и вечности жнецы.

И под серпом склоняясь покорно,
Легко уйти в твое небытие,
Не числа сроков, помня непритворно
Лишь имя, имя верное твое.

1916

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

РАННЯЯ ПОРА (до 1910 г.)

УТЕС

Средь моря гордо поднимаясь,
Утес, задумчивости полный,
Стоит; шумливо разбиваясь,
Внизу лепечут что-то волны.
Волна стремится за волною,
Не зная утомленья,
И не дают они покою
Утесу на мгновенье.
То с нежной лаской припадают,
Лелея и лобзая,
То с грозным ревом набегают,
Пеной обдавая...
А он стоит, им не внимая
Средь грохота и шума,

На ласки их не отвечая,
Своею полный думой.
О чем же?

[ок. 1906]*

ОТРЫВОК

Хлопьями падает снег,
Грустно и скучно кругом,
Мрачно-таинственный лес
Спит очарованным сном.
Тихо всё, только порой
Ветра порыв налетит, –
На мгновенье нарушит покой
И снова всё тихо, всё спит.

[1905–1909]

* * *

Пожаром будто весь объятый,
Небес пылает дальний свод,
И пламя яркое заката
Златит поверхность тихих вод.

* Даты, заключенные в квадратные скобки, принадлежат составителям. – *Ред.*

Мелькает парус в отдаленье...
Несутся тучки в высоте –
Легки, как ветра дуновенье,
В своей мгновенной красоте.
Природа вся в истоме сладкой
Оцепенела... замерла...
Листок не двинется украдкой
И не заплещется волна.
Лишь тучки – странники с рожденья
В просторе неба голубом
Плывут, не зная утомленья,
Меж тем, как дремлет всё кругом.
Они одни лишь нарушают
Природы стихнувшей покой...
Манят... зовут... и увлекают
Лететь скорее за собой. –
Бежать скорей от сна застоя,
Вперед за ними всё бежать, –
И жизни... жизни не в покое,
А лишь в движении искать.

[1905–1909]

* * *

В этом свете бездушном, холодном
Тяжело одинокому жить,
И в стремлении к счастью бесплодном
Всё в груди своей молча таить. –

Затаить свои светлые грезы
От жестоких холодных людей,
И тоски, и страдания слезы,
И все муки бессонных ночей.
Тяжело на стремление к счастью
Для себя, для страдающих всех,
Слышать в отклик не слово участия,
А холодный презрительный смех, –
Смех над грезой, над светлым желаньем
Истомленной и скорбной души, –
Смех над жгучей тоской и страданьем,
Похороненным в сердца тиши.

.....

Тяжело! Но не падай душою,
И на счастье надежд не теряй,
А с поднятою гордо главою
И бодрись, и живи, и страдай!

[1905–1909]

1910 год

* * *

По полям поползли туманы –
Хороводы старух седых.
Привели за собой обманы
Очертаний пустых ночных.

Вереницей кружась, колдуют,
Заповедные здесь слова
Рассыпают по лугу, дуют...
Поникает вокруг трава.

Полосами ложится мерно
Под заклятьями злых старух,
Что мелькают во тьме неверно...
Где-то ухает филин: Ух!

И заветные расцветают
Небывалые сны вокруг;
Жемчуга своих слез роняют
В небе звезды на лес и луг.

Эти слезы и всё – обманы
Очертаний пустых ночных,
Что ведут за собой туманы –
Хороводы старух седых.

* * *

Молний змеились улыбки
В небе, обернутом мглой,
Ярки, заманчиво-зыбки,
Тешась мгновенной игрой.

Резали в миг прихотливо
Контурные жутких теней,

В тьму устремляя пытливо
Блики текучих огней.

Гасли... опять разгорались,
Небо терзали войной...
То развивались-свивались
Ярко-чешуйной змеей.

В пряталки с тьмою играли
Бегом скользящих лучей...
То потухали... сверкали...
Пенились, словно ручей.

Ярки, заманчиво-зыбки,
В небе, обернутом мглой,
Молний змеились улыбки,
Тешась мгновенной игрой.

* * *

Сторожа ручья извивы,
Наклонились тихо ивы
Над сверкающей водой.
И ручей журчит-струится,
И о камешки дробится
Набегающей волной.
Пышет воздух раскаленный,
И застынул полусонный
День, не знающий забот.

Только легкие стрекозы –
Солнца радостные грезы –
Вьют веселый хоровод.
Всё вокруг истомой дышит...
Тихо так, что ухо слышит
Ясно эту тишину.
И в груди сомненья тают
И свободно улетают
В голубую тишину.

* * *

Смутно потухает сумрачная даль,
Сердцу что-то больно, и чего-то жаль.
Где-то далеко... давно... там что-то было,
Что – я позабыл... но сердце не забыло, –
Судорожно бьется, гонит прочь печаль...
Речки вдруг сверкнула траурная сталь...
Сердце холодеет, – помнит, – что-то было –
Где-то далеко – так близко-близко, мило,
Смутная – потухла сумрачная даль...
Сердцу уж не больно... ничего не жаль.

1911 год

* * *

С края кряжистых круч уронил я тот ключ,
Что от жизни судьба мне вручила...
Ключ мой в пропасть упал, где поток бушевал,
И теперь моя жизнь – могила.
Без ключа как мне быть, как мне дверь отворить, –
Посмотреть, что за нею таится...
Я по свету иду, ключ ищу – не найду:
Ожиданием сердце томится.
По лесам, по горам, по бескрайним долам
Я плутал, я блуждал без дороги...
Я душою устал, я ключа не видал,
Я изранил в скитаниях ноги.
Мимо кладбища грез, мимо моря из слез
Проходить мне однажды случилось...
И – усталый – присел я и, помню, запел, –
Поглядел: что-то в море лучилось.
Подошел, посмотрел я – и громче запел,
Встрепенулся, ликуя, душою:
Отыскался тот ключ, что давно уже с круч
Уронил я беспечной рукою.

* * *

Д.Л.

Когда осенние непогоды
С земли срывают цветной убор;
Когда волнующие невзгоды
Тоскою твой затуманят взор;
Когда холодный ветер подует –
Столбом сухие взовьёт листья,
И злобно ночь за окном заколдует,
И, вздрогнув, насторожишься ты;
И тени грустные одиноко
В тиши окружают тебя, маня,
И будет скорбь смотреть стоико, –
Вспомни меня.

* * *

Каждый день в душе моей
Оставляет след огнистый;
След загадочных теней,
Что идут стезею чистой.
Далеко, давно ушло
Затаенное страданье...
То, что было, то прошло...
Но живут воспоминанья.
Нити огненных следов
Жизни пряжу заплетают

Из давно минувших снов
И видений, что мелькают.
Каждый миг передо мной
В сочетаньях пышноцветных...
И рождается мир иной, –
Мир поэта дум заветных.

* * *

И снова я свой зов бросал
Во мглу, что вокруг меня молчала...
И тщетно я ответа ждал:
Мгла тайн своих не выдавала.
Откликнись, светлая сестра,
Иль кто-нибудь... кто – я не знаю...
Давно пришла уже пора...
Я дымный факел зажигаю
И с ним иду в ночной тиши...
Колеблются неверно тени...
Кругом – ни звука, ни души.
Я – в власти сумрачных сомнений.
Откликнись, светлая сестра!
Придет пусть, кто меня не знает...
Давно настала уж пора...
Мой бедный факел погасает.
И я – один – во тьме немой
Стою и жду на зов ответа;
И ниоткуда нет привета,

Лишь ветер мечется ночной,
Глумяся надо мной.

СОСНЫ

Беспокойные лапы ветвей
Протянулись сурово-тревожно.
Величавые сосны – в мечте
Об ином, что для них невозможно.
И с тоскою на небо глядят,
Где свободные тучи гуляют, –
И туманится сумрачный взгляд,
И прозрачные слезы роняют
Величавые сосны земли,
Протянувшие к облачной дали
Беспокойные лапы ветвей
В неизбывной и жгучей печали.

ПОЭТУ

Иди, певец, будь искрой света,
Зажегшейся во тьме ночной;
Не зная ласки и привета,
Иди тернистою тропой.
Пусть встанут призраки печали,
Крутясь, как осенью листья;
Пусть впереди темнеют дали;
Пусть блекнут яркие мечты,

И рой зловещих птиц унылых,
Сидящих чуткою толпой
На потревоженных могилах,
Пугает позднею порой
Того, кто робкое молчанье
Нарушит, громкий бросив зов...
Иди, певец! Презрев страданье,
Ты – к свету радости готов.
Иди, певец. Будь искрой света,
Зажегшейся во тьме ночной;
Не зная ласки и привета,
Иди тернистою тропой.
И – в одиночестве – свободный,
Цепей окованность сорвав,
Ты будешь как листок безродный,
Как тихий шепот тихих трав.
Как струй прозрачных колыханье
Вдаль уходящего ручья,
Как ветра легкое дыханье,
Как радость солнца, что – ничья.
Тебе, певец, мирок наш тесен;
Ты в даль туманную уйдешь,
И там – огнем пропетых песен
Свет яркий в сумраке зажжешь.
В порыве, свыше вдохновленном,
Ты возмутишь немую тишь.
И в пламени, тобой зажженном,
Ты сам соришь.

* * *

В час заката, в час вечерний
Колокольный перезвон
Должен литься равномерней,
Миром светлым напоен.
В час, когда зажгутся дали
Красным золотом зари,
Смолкнут жалобы печали,
Лишь заклятья повтори.
Звон, от меди оторвавшись,
В даль заката уплывет.
С красным золотом смешавшись,
Сплав молчания скует.
Даль, молчанием объята,
Разольет звезды покой.
В час вечерний, в час заката
Ты расстанешься с тоской.

* * *

В хаосе ломких изгибов прибоя
Дышит изменчивость трепета волн.
В смутности брызгов, стенаний и воя
Говор морской – беспокойностью полн.
Словно большие печальные птицы
Крыльями бьются о твердый гранит;
Рвутся к простору, где волн вереницы
Ищут те клады, что небо хранит.

Белые птицы крылами тревожно
Бьются в суровый застывший гранит...
Белые птицы! Не верьте... всё ложно
То, что в ответе гранита звенит.
Вам ведь друг друга понять невозможно:
Камень – от века, а вы – лишь на миг.
Вечно другие – вы бьетесь тревожно,
Камень – в покое извечном поник.
Волны немолчной идут чередою,
Крутится пена на гребнях седых.
Нету простора стремлений прибою:
Скован он цепью утесов немых.

ЗАКАТЫ

I

День уходил в плаще багряном,
Подбитом мехом туч;
И погасал за океаном
Прощальный солнца луч.
Прозрачно небо голубело
В бездонной вышине,
И песнь закатная звенела
В вечерней тишине.
И тихо горы засыпали,
Внимая песне той;
Туманы мерно покрывали
Их траурной фатой.

Ползли, холодные, уныло
Над стынущей землей,
И здесь, внизу, была могила
И сумрачный покой;
А сверху бледный свет струился
И над туманом плыл...
И кто-то – призрачный – молился...
Не я ли сам то был?!

II

Вдовицей в траурном уборе,
Тревог зловещих дочь,
С тоской тяжелою во взоре
Идет неслышно ночь.
Пришла – и блеск заката стерла
Ревнивою рукой.
Покровы темные простерла,
Рассыпала покой.
На небо звезды нанизала
Блистающим венком,
И сказок много рассказала...
Я не скажу – о ком.

I

Распустились закатные маки,
Лепестками цветными горя;
Расцвели у предельности моря,
Где вечерняя всходит заря.

И молчание дня пронизали,
Напоили дурманностью снов;
И тяжелый запрет положили
Из волшебных неведомых слов.
По извилистым узким тропинкам
Небывалых мечтаний и снов
Устремляются чьи-то желанья
На невнятный настойчивый зов.
И, почти уж достигнув цели,
Видят: дальше дороги им нет;
Потому что закатные маки
Наложили волшебный запрет.

II

Опадают закатные маки
Под холодным дыханьем ночным.
Лепестки облетают цветные,
Расплываясь, как в воздухе дым.
И неслышно подкравшийся вечер
Сыплет пепел на красочность дня.
Заливает потоками мрака
Языки золотого огня.
Потухают желаний тревоги,
Расплываясь, как в воздухе дым.
Потому что закатные маки
Облетели под вздохом ночным.

* * *

Зачем вам далекое небо, о люди,
Зачем вам обманчивость грез?
И рвутся в стремлении к призраку груди,
И сердце исходит от слез.
И тянутся руки со страстной мольбою
К далекому небу. – Зачем?
Послушайте, люди: плененный землю,
Я к небу бесстрастному нем.
Пытливо-напряженным вдумчивым взором
В красоты земли я проник;
И молвлю вам, люди, я с тайным укором:
Зачем вы забыли язык?
Язык необузданно-страстных мечтаний,
Желающих правдою стать;
И отзвуки в сердце ночных трепетаний,
Что призваны жизнь рождать.
Сурово-тревожное скорбное море
Волнуется с шумом глухим.
Тревогу воды отразивши во взоре,
Мы бурю в себе затаим.
И тайну лесов, и обманчивый шепот
Деревьев во мраке ночном;
И ветра стремленье
И гор молчаливых забвенья
Мы в трепете легком сольем.
Кто чувствует, видит и слышит душою,
Земли тот узнает мечты,

Что вызваны солнца живой теплотою,
Мечты те зовутся: цветы.
Невинные, страстные,
Порою преступные,
Но всегда неизменно-прекрасные,
И в своей красоте недоступные,
Из недр земли вырастают цветы, –
Разгадка потайных свершений...
И вот мы – у грани... у крайней черты:
Иных не найдем достижений.

* * *

Я знаю, что образ каждый,
Возникший в душе моей,
Сжигает – безмерной жаждой
Свершений грядущих дней –
Усталую грудь. Я знаю,
Что в каждом стихе моем
Часть жизни я оставляю, –
Обломки мечты о том,
Что было когда-то, где-то,
В тумане ушедших лет,
И в чуткой душе поэта
Живой родило привет.
Скорбя по тому, что было,
Что будет, стремлюсь узнать,
Я брошу всё то, что мило,
И буду мой стих ковать.

От скорби – туда, к надежде
Он ляжет мостом стальным...
Обломок того, что прежде
Звенело напевом живым.

* * *

Как бег волны, что с океаном слита,
И всё ж одна;
Как нежная мелодия, что в воздухе разлита,
Когда звенит струна,
Моя душа – полна
Богатством жизни неисчислимым
В слияньи с жизнью – безотчетном –
Одна.

* * *

Смутной тревогой овеян
Сад притаившийся был;
Ветер по тихим аллеям
Листья сухие кружил.
Ветер в ветвях оголенных
Сумрачно-глухо рыдал...
Ночи жилец бесприютный
Сирого спутника звал.
С шелестом, с шорохом, с треском
Листья кружились в пыли:

Роем неслись по аллеям
И пропадали вдали.
Кто-то в ночи одинокий
Бился, протяжно стонал...
Смутной тревогой оваян,
Осенью сад умирал.

* * *

Дух безумного веселья –
Из далекого ущелья
Ветер буйный прилетел.
Ветер дó неба взметнулся,
Ветер птицей обернулся,
Переливно зазвенел.
Шире, выше! Прочь с дороги!
Ветер в звездные чертоги
Вольно свой направил путь.
Где же радость? Где же горе?
Всё слилось... бушует море...
Разве можно отдохнуть?

* * *

Б. Пастернаку

В сумраке ночи зловещей
Веянье траурных крыл.

Слезы по лебеди вещей,
Песни которой забыл.
В сумраке ночи зловещей
Ширится, крепнет печаль.
Где же вы, лебеди вещей
Песни?

Угрюмая даль
В сумраке ночи зловещей
Ткань бесконечную ткёт...
Где-то о лебеди вещей
Эхо преданье поет.
Шепот подавленный леса,
Тяжкие скорбные сны.
В дали угрюмой – завеса;
Песни печали полны.

* * *

Нежней хрустального бокала
Моя душа звенела,
А ты всё дальше ускользала,
Боясь любви предела.
А ты всё дальше ускользала,
И мне была всё ближе...
И что душа душе сказала,
Пред тем склонился ниже.
И что душа душе сказала,
Никто здесь не узнает.

Так в бездне моря гребень вала
Навеки ускользает.

* * *

Падал снег холодный, белый
Над осеннею поляной...
Легкой поступью несмелой
Я пришел к тебе – незванный.
В дверь тихонько постучался
С ожиданьем боязливым...
Но никто не отозвался
Мне приветом молчаливым.
Но никто не отозвался...
Разве нужен гость незванный?
Белый полог расстилался
Над осеннею поляной.

* * *

Последние полосы бледной зари
Легли над затихшей поляной.
И трепетный ветер воздвиг алтари,
Одевшись парчою багряной.
И, ночи неведомым тайнам молясь,
Рассыпал прозрачные росы.
Из чаши лесной, беспокойно клубясь,
Туманы пришли на откосы.

И никла смиренно... и никла трава...
Цветки полевые дрожали...
И тихо печальной молитвы слова
К молчанью небес воссылали.
Курились вечерним огнем алтари,
Закат расплывался багряный...
Последние полосы бледной зари
Легли над затихшей поляной...

1912 год

* * *

Б. Пастернаку

Есть слова, которых не забудешь,
Распяты они навек в груди.
Сколько от себя ни уходи,
Ты – другой – другим не будешь.
Ты – на время сможешь изменяться,
И – на время – сможешь забывать...
Но, как тать ночной, – трусливый тать,
Будешь от распятых слов скрываться,
Боль мучений крестных затая в груди...
Но настанет день. Забвенья прах унылый
Будет взят холодною могилой,
И мелькнет – что было – снова впереди.

Оживут забытые преданья.
Снова, странник, ты найдешь себя,
Всем усталым сердцем любя
Слов распятых крестные страданья.
Сколько от себя ни уходи,
Ты – другой – другим не будешь:
Есть слова, которых не забудешь,
Распяты они навек в груди.

* * *

Крутилась злобная метель,
Придя из потемневшей дали;
И стлала белую постель
Для потревоженной печали.
И стлала белую постель...
Опять взметала недовольно...
И выла злобная метель,
И мир весь затихал невольно.
А в белой тишине печаль
Шагами робкими бродила,
И было ей покоя жаль...
А буря злобная кадила,
Снежинок звезды в вышине
В безумной пляске рассыпая...
И кралась в белой тишине
Печаль, молясь и проклиная.

* * *

Пожалей, пожалей же, хмельная весна,
Дорогую нетронутость стога!
Не сдержать... не сдержать эти ночи без сна
И веселье весеннего бога.
К черной уличной мути прильнуло окно
И, застынув, вливает тревогу.
Ах! Я знаю... – на свете осталось одно:
На весеннюю выйти дорогу
И поплыть по разливам весенней реки
Меж сугробов печального снега...
Зазвонят на душе – от души далеки –
Отголоски весеннего бега.

В ПУСТОЙ КОМНАТЕ

Сонно тишину колышет
Мерный ход часов...
Сердце ищет, сердце слышит
Недоступность снов.
Тик-так, тик-так
Льется, льется неустанно.
Подошел – неслышно, странно
И застынул – мрак.
Тихо, смутно,
Бесприютно.
Только ход часов

Без раздумья, –
Как безумье
Гонит чары снов.
Тик-так, тик-так,
В сердце – холод, мрак.

* * *

Затихали поля, одеваясь туманом,
И под небом ночным холодели.
Издалёка – дрожащим печальным обманом
Доплывали ночные свирели.
Одинокий, затерянный – там, в бесконечности,
Кто-то плакал в тоске безысходной.
Опечаленный сын опечаленной вечности
Со своею мечтою безродной.

* * *

Огни вокзальные сбегали
По рельсам, плывшим в дальний путь.
И зовы города дрожали
С мечтою тайной: отдохнуть.
И влажный вечер лег в печали,
Одевшись сеткою дождя...
Вагоны глухо застучали,
К далекой ночи уходя.

И в тихо стывший вечер влажный
Вошел тоской вокзальный звон...
И всё слилось в один – протяжный,
Нависший над землею стон.

* * *

Звезда моей любви, – любовь моей печали,
Пустынен, одиноч твой яркий небосклон.
И если ангелы на небесах молчали,
– О, кто же создал, кто? – непостижимый сон.
И если ангелы на небесах молчали,
Кто радостью наполнил душу мне тогда?
– Звезда моей любви, – любовь моей печали,
Тобою осиян – я твой. И навсегда.

* * *

Я понесу мою любовь,
Как крест, возложенный судьбою,
И сердца раненного кровь,
Стекая алою струею,
Отметит счастья скорбный путь.
И каждый миг, из тьмы вставая,
С тоской прошепчет: не забудь
Еще не найденного рая.

* * *

Легла извивами дорога
Средь убегающих полей...
К земле склоняясь, рожь у Бога
Смиренно просит знойных дней.
Колосья шепчутся тревожно...
И в шелесте стеблей сухих
Мольба внесенная неложна,
Как скорбию рожденный стих.

* * *

В. Р. К-й

Так тихо в комнате у Вас,
Завороженной Вами.
Там, за окном, уж день погас,
И небо над домами...
И синий сумрак разостлал
Над городом свой полог.
И вот я здесь... я так устал...
А путь мой долог, долог...
О, женщина, как не понять
Твоей тоски безмерной!
Судьбой тебе дано обнять
Весь мир душою верной.
Обнять и в душу заключить.
– Конечность в бесконечном.

И ты, и мир... Вас разлучить
Нельзя в течение вечном.
О, сколько муки, сколько слез,
И радости безумной!..
– Поток неверных странных грез
И волны жизни шумной...
Так тихо в комнате у Вас,
Завороженной Вами.
Там, за окном, уж день погас,
И небо над домами...

* * *

Маки алые безумья
Расцвели в мозгу моем...
Без тревоги, без раздумья
Мы хвалу Творцу поем.
Славься, славься, Милосердный,
Ныне, присно и вовек...
Это брат поет усердный,
Брат и раб твой – человек.
Ты поставил, усмехаясь,
Нас на грань, на острие,
И, медлительно качаясь,
Славим имя мы Твое.
Там – безумье, здесь – сознание,
Все скорей – назад, вперед!..
Все скорей, пока страданье
С острия нас не сорвет.

Маки алые безумья
Расцвели в мозгу моем...
Без тревоги, без раздумья
Мы хвалу Творцу поем.

СКАЗКА

Мягкою и нежной дымкой
По земле ползет туман.
Полечу я невидимкой
За шумливый океан.
Брошу радость, брошу горе:
Здесь судьба моя полна...
Знаю лишь: есть сине море,
А за морем, там – она.
Там царевна молодая
Плачет, в тишине томясь.
А над ней старуха злая
Ворожит, змеей вьясь.
Машет черным покрывалом,
И ехидною шипит...
Рядом с ней, на шелке алом
Злой дракон спит – и не спит.
Там и солнце не заходит,
Там и ночь светла, как день...
В тишине лишь леший бродит,
Да и то, когда не лень...
Мягкою и нежной дымкой
По земле ползет туман.

Полечу я невидимкой
За шумливый океан.
И взмолюсь старухе хилой:
Ты отдай царевну мне!
Всё, что есть, и всё, что было,
Бросил в дальней стороне.
Бросил радость, бросил горе...
Там – судьба моя полна...
Там, за мною – сине море,
Здесь – царевна, здесь – она!
Пожалей меня, седая!
Пожалей тоску мою...
Всю-то жизнь я жил, играя;
От тебя не утаю...
А теперь узнал: царевна!
Я одну ее хочу...
Не смотри же ты так гневно...
Нынче я уж не шучу!
Сердце рвется к светлоокой,
И туманит взор слеза...
За горою, за высокой
Собирается гроза.
В туче, в темной колеснице
Выезжает важно гром.
А в пристяжке ветер мчится,
Поднимая пыль столбом.
Гнет деревья и ломает,
Пляшет, вьется, как шальной.
Молний ярких вытряхает
Над землю целый рой.

Машет ведьма покрывалом,
Как волчок кружась, шипит...
Рядом с ней на шелке алом
Злой дракон уже не спит.
Развернулся, потянулся,
Злостью сонною томясь...
Чешуей стальной метнулся...
В сердце мне стрела впилась.

.....
Дымкой мягкой и нежной
По земле ползет туман...
Я лежу в пустыне снежной,
Глухо стонет океан.
Надо мной царица горько
И тоскует и зовет:
– Милый, встань! Уж в небе зорька...
Уж тебя царица ждет!
Милый, милый... Сердце рвалось...
Я томилась, я ждала...
Милый! Я тебя дождалась...
– Поздно, поздно ты пришла.
Не сердись, моя царица,
Поздно, поздно ты пришла.
Не сердись, моя царица...
С жизнью молодость ушла.
Всё, что было, миновалось,
С жизнью вместе уплыло.
В сердце старая усталость...
Погоди... вот...

всё прошло...

.....
Дымкой мягкой и нежной
По земле ползет туман...
В тишине пустыни снежной
Глухо стонет океан.

* * *

Ночь осенняя беззвездна.
Стонет ветер в тишине.
Темный воздух – словно бездна,
Опрокинутая в снег.
Кто-то – горестный – шагает,
С ветром стонущим скользя...
Кто-то – радостный – рыдает,
А о чем – понять нельзя.
О, скажи мне, это ты ли –
Без судьбы и без имен?
То твои черты застыли
В бесконечности времен?
То твои черты застыли
Бесконечность утоля,
В тишине осенней – были
Нерассказанной внемля?
Ночь осенняя беззвездна.
Стонет ветер в тишине.
Темный воздух – словно бездна,
Опрокинутая в снег.

* * *

Морозом выкованный воздух
Напевно-звонок, словно сталь.
Лечу – страданиям давши роздых –
В санях в оснеженную даль.
Храпят испуганные кони,
Взметая снеговую пыль...
Вон – вьется в трепете погони
Моя встревоженная бьль.
Мои заржавленные муки
Как цепи, вдалеке звенят,
Как цепи, мучившие руки,
Томившие печально взгляд.
Не выдай, тройка, ты – лихая!
В туман веков я бросил бьль.
Лети ж, лети скорей, взметая
Снегов искрящуюся пыль.

1913 год

* * *

И будут сны мои как степи,
Безбрежны и неистребимы...
А дни – как тягостные цепи...
Но всё, прийдя, проходит мимо.

И будут дни мои как степи,
Так безграничны и широки...
А сны – как тягостные цепи...
И будут ночи одиноки.
В бездумьи бытия двойного
Я буду жить двойной судьбою,
Желая и страшась иного,
Терзаясь странною борьбою.

Январь

* * *

Она молиться запретила,
И вот, теперь, стоит одна.
Над ней безумное светило –
Порабощенная луна.
И ветер хладный и угрюмый,
И дождь... и горе в небесах.
А я с моей печальной думой
Стою у ночи на часах.

Январь

РОЖДЕНИЕ АФРОДИТЫ

Из пены морской, из пены морской
Богиня лилейная вышла,

С какою тоской, с какою тоской
Я связал золоченые дышла.
Погнали коней, погнали коней...
Печальные дали зардели...
Всю ночь – о ней, всю ночь – о ней
Рыдали мы на свирели.

Январь

* * *

Суровый ветер разрушил храм
Моей нечаянной богини.
И вот – нельзя по вечерам,
Нельзя молиться мне отныне.
Ложусь в холодную постель:
Пуста, безумна ночь глухая.
Отчаянье берет свирель
И стонет в ночь, не затихая.
И звуки тонкие дрожат,
Как нити паутины белой.
И тихо падают назад,
В объятья ночи онемелой.

Январь

* * *

Гудит, крутит метелица,
Светясь в вечерней мгле,
И белой тьмой стелется
По стынущей земле.
Пришла, пришла забытая,
И стала у ворот.
Как оспою – изрытая
Суровостью забот.
Пришла, пришла желанная,
И кличет: выходи!
Неверная, неожиданная
Тоска скребет в груди.
Эх! Бросил бы всё преждее...
Гуди, метель, крутись!..
И встали сны безбрежные,
И с белой тьмой слились.

Февраль

* * *

К небывалым городам
Путь мой лег отныне.
Я иду – опять Адам –
По пескам пустыни.
Опыт горестных веков
Словно пепел, свеян.

Я забыл своих отцов...
Богом я взлелеян.
Шепчет небо: «Позабудь!
Тайны нет в ответе...»
– Разве был когда-нибудь
Я иным на свете?!..
Знаю... знаю... то был сон
Не моей гордыни...
И стихает дальний звон
Средь песков пустыни.

Февраль

ВЕСЕННЕЕ

Влагой теплой и нешумной
Веет горестный февраль.
И чего-то так безумно
И так непонятно жаль.
В недосказанном намеке
Дни к весне уходят вдаль...
– Так о зимнем ли зароке
Нам рыдать с тобой, февраль.

Февраль

РАННЯЯ ВЕСНА

В неуверенности сладкой
Призрачного сна,
Вон – глядит в окно украдкой
Тихая весна.
Влажный ветер робко марит¹,
И дрожит вода...
Ну, а вдруг – мороз ударит –
Как же быть тогда?!..
Пусть!

Пока цветет украдкой
Тихая весна,
В неуверенности сладкой
Призрачного сна.

Февраль

* * *

Усталый день так тих и прост
Под небом неизменным...

¹ В словаре Даля: Марить *безличн. сев. вост.* Марит в знойное лето, когда всё изнемогает от припека солнца, земля накаляется, нижние слои воздуха пламенеют и струятся, искажая отдаленные предметы, которые мельгешат, играют; марит перед грозой, когда воздух душный, пот и слабость одолевают.

Молчит тоскующий погост
В кольце полей нетленном.
И правда дряхлая могил
Кивает робко дали...
Но мир давно ее забыл...
– И вот, в немой печали
Поля сошлись и погост
В простор свой заключили.
И только небо строит мост
От далей – к дряхлой были.

Март

* * *

Весенний вечер был пылен и тих,
Опаленный зноем зданий.
И улица – как неоконченный стих,
Ждала неизбежных свиданий.
Свивались встречи с змеей мостовых,
Но близкие – были чужие.
И каждый – обманутый скорбный жених,
И каждая – грусть о мессии.
Заглохшее небо над пыльной весной
Пустою лазурью грустило...
И в каменном городе каменный зной
По улицам влекся уныло.

Март

ДЕВИЧЬЕ

Далеко за горой
Топот конский мерный...
Жду тебя, милый мой,
Я душою верной.
Не дышу... нету сил...
Ближе, ближе топот...
Кто в саду угасил
Листьев тихий шепот?..
Замерло всё вокруг...
Так печально стало.
Не сомкнуть нежных рук,
Не прильнуть устало.
Не сомкнуть, не сомкнуть...
Где же ты, любимый...
За горой гаснет путь,
Тишиной томимый.

Март

* * *

Весна пришла... и плачут дали,
Одевшись дымкой голубой.
И вот – опять к себе позвали,
И разлучили вновь с судьбой.
Дрожит весенняя истома, –
Сырой земли священный зов...

И снова, снова нету дома,
Забыт покой холодных снов.
О, блудный сын Того, кто вечен...
– Иди! Тебя зовет твой Бог.
И будет жребий твой отмечен
На черных впадинах дорог.
Просторами полей оваян,
Больным дыханьем выпей даль...
– Ты Богом... Богом был взлелеян,
Крещен в весеннюю печаль.
О, блудный сын Того, кто вечен...
– Иди! Тебя зовет твой Бог.
И будет жребий твой отмечен
На черных впадинах дорог.

Апрель

* * *

В разгар весны благоуханной
Осенний заблудился день.
Такой чужой, немного странный,
Когда уж зацвела сирень.
И был он грустен... Ветр холодный
Листовою юной шелестел.
Осенний день... Пришел безродный...
О чем он в тишине скорбел?!..
Такой чужой, немного странный,
Когда уж зацвела сирень.

В разгар весны благоуханной
Осенний заблудился день.

Май

* * *

Уж я давно молчу
Уныло.
Зажег безмолвную свечу, –
И всё, что в жизни скудной было,
Что тайно к тайным снам манило,
Я вспомнить вновь хочу.
– И вот, пред взором, в пестрой смене,
Встают причудливые тени.
Душа в безмолвном созерцанье
(– О, сколько муки скрыто в нем)
Следит игру теней с огнем, –
Былую радость и страданье.
И мнится, что само молчанье,
Поникнув горестно в ночи,
С тоскою шепчет мне: молчи...

Июнь

* * *

В пустынном поле – одинокий
Мерцает огонек.

О, как мой путь далек.
Вся жизнь, как ночь, уходит в мир широкий...
И мир – как я. И негде отдохнуть...
Ты звал меня, Господь, и указал мне путь...
– И потому он труден и далек,
Что, как и я, Господь, Ты – одинок.

Июнь

* * *

Люблю лесов уединенье,
Их важный сумрачный покой,
Где так беспечно вдохновенье
Владеет вольною душой.
Заботы горестные жизни,
Как прах земной, отмечены...
И неподвластны укоризне
Души младенческие сны.
Весь мир... весь мир душа приемлет,
– Всё, без чего она мертва,
И в сумраке зеленом внемлет
Само молчанье Божества.

Июнь

РОДИНА

Всё шире полевые дали,
Вольней зеленые края...
Мы вместе за судьбу страдали
С тобою, родина моя.
Иноплеменник,
Сын народа, давно гонимого тобой,
Нам общей, горькой доли пленник,
Я не враждебный, не чужой.
Твою печаль, твои просторы,
Твой тихий горестный покой,
Твои леса и рек узоры,
Люблю плененною душой.
Завет сурового Иеговы
Забыв для горьких мук любви,
Не мщу за муки, за оковы,
– Сердца, омытые в крови...
– И ты гонима самовластьем,
И ты печальна... – как и я.
Судьба связала нас несчастьем,
И вот – я твой, как ты – моя.

Июль

* * *

Земля усталым перегноем
Взывает к пахарю: гряди!..

Как тяжело идти изгоем,
Покинув родину в пути.
И в одиночестве бесплодном
Всегда лишь находить – себя,
И знать, что в сумраке холодном
Ты чью-то жизнь сгубил, любя.
Бросай зиждительное семя,
А всходов нет! – пропал посев...
Пусть над тобой – как ангел, – время:
Оно – судьбы безвестной гнев.
И ждет земля того, кто муки
Рожденья даст ей, взяв покой...
Иди!.. твои бесплодны руки
И ты один. И ты изгой.

Август

* * *

Словно чашечки слез, пожелтелые листья
На земле, опаленной осенним дождем.
И дали сквозятся еще золотистой,
Пронзенные насмерть багряным мечом.
Осенняя, тихая грусть увяданья...
И ветер, проносясь над раздольем полей,
– Застигнутый вестник ночного свиданья,
Тоскливо стихает в безмолвье аллей.
И в тумане, рожденном дыханием далей,
Возникает, как призрак, больное лицо...

И – старик от тоски, от осенних печалей,
Кто-то юный проходит, задрожав, на крыльцо.

Сентябрь

* * *

О, как манит предвечной тайной
Взгляд женщины в тоске ночей.
И я, – певец ее случайный,
О, что я значу перед ней!..
Ее печальный нежен очерк...
Но в миг враждебный торжества
Она над миром, словно росчерк
Руки и власти Божества.
– И опадающею тайной
Тоска и боль над смертью дней...
О, что же я, певец случайный,
О, что я значу перед ней!..

Сентябрь

* * *

Это надо мною
Плачет, плачет осень,
Нежною сестрою
В память прошлых весен.

Это надо мною,
В слезы облаченный,
Дрогнувший с землею
Ангел полусонный.
– Будь такой сестрою
В знак забытых весен...

.....

Это надо мною
Горько плачет осень.

Октябрь

* * *

Л.

И я снова сегодня у ног Твоих,
Осененный безмолвием ночи.
Сам глухой и безмолвный, как мерный стих,
Что тоску над Тобою упрочит.
Я сегодня всю землю, как сон, исчерпал
В тишине позабытого сердца.
И родную тоску, как виденье, узнал
С изумленьем глухим иноверца.
Я сегодня всю землю, как сон, исчерпал
В веренице мятущихся былей,
И – как жемчуг искатель – в ладони собрал...
На ладони – сверкание пыли.

Я забыл...

И я снова у ног Твоих,
Осененный безмолвием ночи,
Сам глухой и безмолвный, как мерный стих,
Что тоску над Тобою упрочит.

Октябрь

* * *

Печальной осени виолончель
В прозрачном хрустале больного дня...
Высокий лес – как звонкая купель
Багряно-желтого огня.
Приди и сядь... И слушай тишину.
– Не тишину, а стоны струн невнятных,
Глухой душе таинственно-понятных.
Приди и сядь... И слушай тишину.
Печальный лес в пустую вышину
Гудит торжественно тоской виолончели.
(Земля и сердце – легкие качели!)
Хрустальный день, – как пламенный бокал
С вином тоски, с тоской виолончели.
И, кажется, он так всегда стоял...
И, кажется, что в час последний бытия,
Всё тот же день, в прозрачности хрустальной,
С улыбкой матери печальной
Прощальный вздох земли замкнет в свои края.

Ноябрь

* * *

Чуть выпал снег... И снова стоял.
– И только синяя капель,
И только хрипло в даль пролаял
Глухой вокзал, разлук свирель.
И только на черте бессонной,
Где город с небом тускло слит,
– Твой призрак, медленно склоненный,
На старый стынувший гранит,
И слез твоих капель больная
Над миром смутной пеленой
Грустит задумчиво, не зная,
Что в этой ночи я с тобой.

Ноябрь

* * *

Опять пушистою метелью
Мой белый город занесен,
Вознесший тонкою свирелью
Своих домов и башен стон.
И вторит небо гулким свистом
Игре крутящихся снегов,
– Над сердцем, ставшим снова чистым,
– Над тихой грустью смолкших слов.
И сердце стало колыбелью
Твоей тоски, Твоих имен,

– Как город – восходя свирелью
Под занесенный небосклон.

Декабрь

* * *

Готический портал дождей,
Поднявший неба злую осень,
Устал рыдать багрянцем дней
В забвеньем затканную просинь.

В сутанах строгих сосен строй
Поет Те Деум заглушенно...
И небо скорбною сестрой
Напев внимает полусонный.

Орган тоски поет хорал
И полнит землю песней пленной
Дождей готический портал,
Вознесший тишину вселенной.

1914 год

* * *

И вновь из пепла тяжких мук,
Забывших снов, сожженных далей,
Встает душа, как вещей звук
О землю брошенных скрижалей.
И не всегда ль один удел,
– Закон и благодать: возрожденье
Тому, кто над вселенной бдел
В глухом блаженстве отреченья.

Февраль

* * *

Убегает дорога печальная
В темной бронзе вечерних полей.
Словно детское – небо сусальное
В дальних пятнах глухих тополей.
Цепенеют далекие просини.
Но туманам – еще не пора,
Еще рано рыдающей осени
Замирать у ночного костра.
Вьется жаворонок с свистом
В беспредельной вышине.

Кто ты, гость на поле чистом,
В шлеме, в блестящей броне!
Чьей рукой враждебной ранен
Гость далекой стороны,
Ты, что в поле отчеканен
Сном вечерней тишины.
Вьется жаворонок с свистом
В беспредельной вышине.
Кто ты, гость на поле чистом,
В шлеме, в блестящей броне!
– Я сам свое вырвал сердце
И принес прекрасной в дар.
Это я своею кровью
Закатный зажег пожар.
О, пой в хрустале огнистом
О безумных, о тяжелых днях!
Я играл ее сердцем чистым,
Я рыдал на ее устах.
О, пой, сливая зори
В глухой и тяжелый сплав.
Над тихой грустью трав
Взойдет любовь, как горе.
О, пой, о, пой, не смолкая,
Пока не померкнет свет;
В огнистый хрусталь поднимая
Мой первый, мой вечный привет.

Февраль

* * *

На плахе поля, выдан на правеж
Ветрам и ливням осени убогой,
О, стой, мой рыцарь! Знаю, не уйдешь
От муки сладостной и ненависти строгой.
Твой сорван панцирь и разбит шелом...
(Ты помнишь?..)

К телу, что лишь я ласкала,
Льнет непогода колющим крылом,
Мертвящей лаской уст беззубого оскала.
Но в ветхом рубище спадающих дождей
Ты мне еще – отверженный – дороже.
И ненависть моя... о, что сказать о ней,
Когда и ненависть – лишь мукам ложе.
А ты стоишь... стоишь, и не уйдешь,
В бреду разгула, в пасмури столетий,
На плахе поля, выдан на правеж,
На смерть...

И – о тебе жалеть ли!

Апрель

* * *

Скрижали сердца – скрижали муки,
Давно умершие письма.
(В пролете темном Вы, сжавши руки,
Теперь, весною! – одна, одна.)

В пыли вечерней, в сверканье дымном,
В осколках света, где лег бульвар,
Уходит город проклятым гимном,
Блаженным гимном распутных чар.
И знойно-броско зыбятся взоры,
Объятые жарким ночных утех.
И зорко звезды, как семафоры,
Чертят дорогу, где властен грех.
В заглохший грохот, унесший дали,
В забвеньи ночи, в угар вина
Скрижали сердца, всех мук скрижали,
Давно умершие письма.

Май

* * *

Навзрыд, навзрыд, взрывая зори,
Где сбит, где срыт червлёный щит,
За гарью гор сгорело горе.

Лужёный луч глухого полдня,
Где нету слова, нету сна,
Внесён в лазурь и вновь заполнен
У слюд заглохшего окна.

И там, где сердце вновь вожатый,
И ветхий вечер тих и строг,
Уходит жизнь – как раб распятый
В туман темнеющих дорог.

* * *

И снова дум кадящим дымом
Восходит восковой восток...
И зреют зори, еле зримы
В оцепенении дорог.

И слава слов, и слово славы
Немеют в меди жарких дней...
И книг седых глухие главы
Кивают в тишине.

Немая радость слитых губ
Над тусклым заревом предместий.
И ноты отзвучавших труб
Слились, сплелись фатой – невесте.

1915 год

МУЗЕ

Так безмятежно дышит грудь...
Но снова легкими шагами
Приходишь ты на нас взглянуть
С твоими строгими дарами.

И путь единственный отринут...
И – отречением вдохновлен –
Смотри, в какую глубь закинут
Поток несбывшихся времен.

И у черты нерасторжимой,
Где ниц поэты перед Ней,
Проходит робко вечность мимо,
Стыдясь убогости своей.

Апрель

ТОСКА

Шальных гудков автомобильных
Взмывает взбесившаяся тоска
Над заревом зорь, очнуться бессильных
В просторах пыльных,
Где рука
О какой одинокой полночи
Глушит задохшийся крик.
И гибнут опять безмолвно лучи
Кровавых фонарей.
(Ночь одела парик...)
Идите, идите скорее к ней
Прильнуть к продажным устам.
Смотрите, как они нарумянены
Кровью сердца, кровью смерти, кровью
последних мук.

Ах, в такую ночь нужно Сусанина,
Чтоб не наложить на себя рук.

Сентябрь

1916 год

* * *

Пируй, пируй! Похмелье бреда
Сорвет печаль глухих годин.
Иные скажут: вновь победа,
Дана герою Андромеда...
Но ты, склонясь, уйдешь один.

И взроет ветер прах летучий
Над таянием пустоты.
Но в зыбкой бездне красоты
И незабвеннее и жгучей
Ее небесные черты.

Июль

* * *

Пусть так. Пусть Ты – мечта.
Но с края
Твоих скитальческих высот

Как можно вниз смотреть, не зная,
Куда забвение несет.

И тайный ход событий внемля
В бесшумной поступи веков,
Какие потревожить земли
Тревогой белых парусов!

Каких имен, каких наитий,
Достойных истины Твоей,
Вплести сверкающие нити
В земное ослепленье дней.

Пусть так. Пусть Ты – мечта.

Но тени,

Но тени помыслов Твоих –
Неколебимые ступени,
По коим в царство исступлений
Ведет Тебе покорный стих.

Август

* * *

Дождя ноябрьского сумрачная жалость
Над зябким городом, закутанным в туман.
Ведет медлительно последняя усталость
Последних дней усталый караван.

Прийти и ждать на грязном перекрестке,
Прийти и ждать – скажи, чудес каких,
Следя дождя стекающие блески, –
Когда и мир – последние подмости,
Когда и звук последних слов затих.

Незрячий взгляд иззябшей тусклой ночи
Как верный сторож у заветных врат.
Застывший город грязью кровоточит.
И новый день медлительно пророчит,
Что нет пути назад.

Ноябрь

1917 год

* * *

Это время не то. Эти годы – другие.
В них подстрочником дня – темнота синевы.
Но не понял никто. И в безмолвье – Мессии
Не узнали среди тьмы. И назвали на Вы.

Эти годы не те. Их вскормило ненастье.
Никогда не смотрели века так остро.
Хоть туман обомшелый Вселенную застил,
Когда небо, как девку, тащили в острог.

Эти годы не те. В них столетьями запил
Ошалевший в тоске человеческий род.
Эти годы, как пьяная песнь о Приапе,
Как в харчевню осклизлый зияющий вход.

Август

ВЕСНА

И день.

Ликующие сходни...

Мятеж отчалить уж готов,
Влача, как яростная сводня,
С собою тысячи голов.

Ручьи бегут наперебой,
А в небе – там столпотворенье...
Гудя протяжною трубой,
Архангел возглашает мщенье.

Восстанье. Плещет в выси флаг.
Весна мутит. Зовет на приступ.
И тяжко бьет упорный шаг
Косматых ливней в солнца пристань.

Гудит и зыблется земля,
Распяты зноя никнет ближе.
И солнце черные поля –

Как пес больную лапу – лижет
В забвенье.

В путь.

И навсегда.

1918 год

ПЕТЕРБУРГ 1917

В борьбе стихий, в разгуле гроз
Судьбой – как рифмою – играя,
На перепутье дней он взрос
И матери самой не зная.

И глухо билися века
(Колебля сны порывом бури)
О грудь его, глаза пока
Он тер спросонья... тер и жмурил.

И перехватывая вздох
Напором тяжким наводнения,
Росла Нева, пока он дрог
В больном припадке вдохновения.

Пока, в тумане и мечтах
Навстречу острым брызгам влаги

Он, ширясь, шел...

Пока зачах
Разгон бледнеющей отваги.

И оторопь брала. И где ж
Мы были все, когда – (победа!)
Последний роковой мятеж
Готовил он в безумье бреда.

И площадей ладонью лоб
Прикрыв, смотрел, глазам не веря,
Как дни сколачивали гроб...
Смотрел, дрожа, глазами зверя.

Октябрь 1917 – январь 1918

* * *

Забилась – и схлынула...
И день глядит, побледнев.
Это смерть его опрокинула,
Алой крови гнев.

Рвется небу навстречу...
Сердцу ль сдержать ее,
Когда и оно, как встречу,
Отвергло имя Твое.

Когда и у той метели
И у сердца – голос один.

И это удушья тяжеле,
Смутней и горше седин.

Восходит напев – ему жаль еще,
Но это исполненный путь,
За снега, за ветры, за ристалища,
– И некому нас вернуть.

* * *

Вот оно – глухое,
Черное
От запекшейся крови тысячелетий,
Шедших с тоскливым воем
На города – изболеть их.
Черное,
Усталое,
Как те, что в Америку шли,
Когда сквозь зори алые
Не виделось земли.

В руки Твои...
Бросила...

 В меру ли
День Твой жгуч?
Смотри, ведь уж призраком осени
Мяется последний луч.

Вот оно.
Бьется, как рыба об лед,
У ног Твоих,
В отчаянье замотано.
И как зубы дракона
Вырастает каждый стих
И идет,
Покидая лоно,
На приступ, на приступ, вперед!..

Смерти идут батальоны,
– Обреченным дорога прямой.
Пусть кровью зальются стоны
В беспомощности гибнущих дней,
– Сквозь мглу, сквозь безумье,
Сквозь пламень, сквозь ад
Никто не вернется назад.

Март

1919 год

* * *

Закат молчит. Бездумен и глубок.
И пыль шаги глушит.

Иду.
Кругом безмолвье.

Бог.

И больше ни души.

А выйдешь на Пречистенский
В крутой водоворот
Жары, листвы, – причислен к ней, –
И город уж не тот.

Мутит и жжет, желтея, жар,
Душней полудня мгла,
И полночь мордочкой ежа
За храмом залегла.

И знаешь: двадцать первый
Тоской тщеты томим,
Все помыслы и нервы
К воротам свел своим.

И знаешь – нет забвенья,
Ни тут, ни там – нигде.
И мир в таком волненье,
Что, верно, быть беде.

Что, верно, начудачит
Душа в тоске такой, –
Что и нельзя иначе –
Махнув на всё рукой.

И городские зори,
Поникнув, отпоют
И радости, и горе,
И с ними жизнь мою.

Июль

* * *

Всё позабыла. Смеешься ему,
Ходишь, поешь, как ни в чем не бывало,
Смотришь без страха в полночную тьму,
Словно там призраков и не вставало.

Словно всегда улыбалась земля,
Словно и радость не шла на убыль,
И тишиной не занемлял
День никогда помертвевшие губы.

Рада – молчу.

Словно не было их,
Огненных, яростных, – Богом внесенных
В Книгу отчаянья – дней тех глухих,
Мукой – как лошадь водой – опоенных.

Словно их не было, дней и ночей,
Бившихся тяжело, как сердце больного,
В смуте бездумия, словно ничей
Взор их не видел лишенными слова.

Ну, а если их выпустить вдруг
(В тесное прошлое тайно прокрасться...),
Тут заведешь такую игру,
Что самому в ней можно попасться.

Что самому в ней впору сложить
Голову, или рассудка лишиться...
Полно, милая, ты не дрожи,
Это ведь только – так – говорится.

Тяжкой чредою проходят года,
Сумрак опять цепенеет постылый...
Спи, улыбайся, и знай: никогда
Мертвые не встают из могилы.

Декабрь

* * *

А там, как прежде, мучают,
Не говоря ни слова,
И рад придраться б к случаю,
Да не было такого.

И вечер в темь сутулится...
Хрипит... и душит, жмурясь,
Бездомный ветер улицу,
Гудя, как море в бурю.

Расхаживает ходуном,
И треплет небо в лоскут,
Как будто век он сроду нам,
И даже сердцу тезка.

Шуршит в тиши афишами,
Пылит и вьется по двору,
И загоняет – мышьями
Шагами – ночь до одури.

И никому не спится...
Вся улица разохалась...
Ах, с головой закрыться бы,
В пустую эту захолодь!

И спать без снов, – так, впроголодь,
Как падают в падучей.
И ничего б не трогало,
И ничего б не мучило.

БОЛЬНОЙ

Он был в миру ином. И дик
Ему казался звон посуды
И голоса.

И чей-то Лик
Смотрел без слов.
И было чудо.

Он руку поднимал. Она
Собой полмира занимала.
Но был простор. И тишина.
И день не знал его нимало.

И только ночь, и ход часов,
И гул безмолвия ночного
Без колебанья и без слов
Его признали за родного.

И ждали молча и остро.
И лихорадка (с темным братом)
В недвижимом хаосе миров
Была подругой и вожатым.

И Лик смотрел, храня слова
Тех голосов – в безмолвье, – тут же,
И криком вдруг в крови всплывал
И бился в страхе пульс заблудший.

* * *

И даже не вскрикнул. Пылающим зноем,
Как фальшивомонетчику – оловом.
Мы рвение в жизни сегодня удвоим,
Но рванью – оденешь ли голого...

Врезано в сердце, как в перстень алмаз,
Но ранят его грани.

Рвут на куски. Что ж, напоказ
Лохмотья всей этой рвани.

Спокойствие, граждане! Это ведь шутка,
Никто на плаху не выведен.
И это лишь так, в разбеге рассудка
Сердце ходит на приводе.

И нагнетает медлительно грусть,
Господи! Такую шалую...
О ноги Твои щекой трюсь
С молитвой обветшалою.

Нижутся пустые слова
Слез больше и горше.
Он им не внемлет... так, едва,
Задремав под поющий поршень.

И только сбесившийся шатун
Бьется об остов хилый.
Руки дрожат... и лоб в поту.
Господи помилуй!

* * *

И если ночи напролет
С судьбою жизнь ты стал проматывать,
Уже навеки не уйдет
Душа от ремесла проклятого.

Набатом в глохлой тишине
Гудит, стучит в виски бессонница.
Там спят. Там видят сны во сне.
А над тобой никто не склонится.

А здесь от гаснущих застав,
От душного лесов затора
В бреду, от тишины устав,
Идет, шатаясь, жалкий город.

Растет и ломится к окну
Толпой голодных переулков,
Как будто дьявол натолкнул
Его. И в дымной дали гулко

Безумный бред колоколов,
Захлебываясь тьмью влажной,
Устами всех [былых] веков
Поет прощение протяжно.

1920 год

* * *

В скачке безумных вздыбившихся клавиш
Разве не я

Первым к цели пришел.
Тише... ты петь меня не заставишь:
Хрипом отмечен тот час хорошо.

И видишь – дальше нет дороги,
Исчерпан путь, как Бог судил.
А ты – что ты узнал о Боге!

Когда с отчаяньем в груди
Боялся верить тени,
Легко мелькнувшей впереди.

О, странник – на колени!
Бестрепетно смотри:
Душа в последнем плене.

1921 год

* * *

Из облаков вечерней пыли
Вставала душная гроза,
Как будто будни позабыли
Полудней спешенный базар.

И в пересохшие гортани
Полусожженных площадей
(Тот день когда-нибудь настанет!)
Вливалась влага тех дождей.

А эти, здесь, на перекрестке,
На зябнущем сыром ветру
Стояли молча, словно сростки
Созвездий в небе поутру.

И ласковым хрипящим комом
Подкатывалась ночь под них.
В своем наречье незнакомом
Заглатывая каждый стих.

26 мая

ДВОЙНИКУ

Он к сердцу приложил наган.
Вверху матрос ругался.
Мы шли вперед, под ураган,
Каким-то странным галсом.

Он не был другом. Иногда
Врагом казался мне он.
В такие дни (им срок – года!)
В него вселялся демон.

Но всё же стало грустно мне.
(О, этих слов качели!)
Мы с ним в одном, одном огне
Столетия горели.

И по утрам одной зари
Лучи окно будили.
И было всё равно: горит
В его, в моей груди ли.

– И в скрипе мачт над головой
Угрозою гудело,
Что тот – не друг, не враг, – другой
Мое пронизет тело.

26 июня

* * *

Л.

А Ты опять встаешь вдали,
Овеянная сном столетий...
Года в туман давно ушли
И мне теперь о том жалеть ли!

О том жалеть, когда века
Вновь молоды, как те – в начале,
И тонкая твоя рука
Едва их держит на причале.

А волю дай! Огнем каким
Вскипят и взвихрятся, сверкая...
И встреча суждена ль двоим
У древнего порога рая.

Ночь подойдет, в тиши скользя.
И ляжет за звездою дальней
Мучений радостных стезя.
Не знаю, можно ль быть печальней,
Но быть блаженнее нельзя.

1925 год

* * *

А за грозой, лазурь ломавшей,
Шатаясь, лето шло в бреду.
И город был такой, что краше,
– Такой, что краше – в гроб кладут.

И в грохоте того причастья
Звенел такой живой напев,
Что было знать пора: в дни счастья
Не ищут никого в толпе.

И здесь, наперебой с сиренью,
На пыльных площадях весны,
Мы в жертву приносили тленью
Истлевших лет живые сны.

* * *

Над городом хлопьями черного снега
Нависли весенние стаи грачей.
Он спит (в берегах не Москва, а Онега),
Он спит еще, болью сведенный в плече.

Но синий хрусталь тишины разбивая,
Опалом оплыла весенняя муть,
Укрывши дома, и людей, и трамваи...
И землю легко – налегке – обогнуть.

Лишь черная, душная, жаром у горла,
За гулами темных застав затаясь,
Бормочет (и снова дыхание сперло)
Стреноженной улицы талая вязь.

Да тонким журчаньем весенней капли
Поет неумно... и в даль унесло...
И кажется, что никогда и не пели
Так в городе, снова лишившемся снов.

1938 год

* * *

Лирически сродни экстазу
Возникновение стиха.

Когда, как оглушенный, сразу
Напев в хаосе затихал.

И только после, постигая
Рождения второго боль,
Он узнавал, что есть другая,
Горчайшая познания соль.

И что мудрей, чем вдохновенье
И жар вскипающей крови,
Лишь то высокое терпенье,
Которым создавался мир.

* * *

Грудь морская дышала
Тяжко, удушья полна.
Билась глухо волна
О ржавые камни причала.

Колыхались едва
Пароходов громады.
Ветер срывал слова
С губ и нес их балладой.

Парус вдали белел,
С чайкою цветом споря.
Мир задыхался и пел
Смутным голосом моря.

1939 год

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВЕСНА

О, таяния черный гуд
И гул асфальтовых гортаней,
Что, задыхаясь, влагу пьют
Весенних жгучих испытаний.

О, благостная синева
В хрустальной одури бредовой
И мир, намеченный едва,
Как очерк постановки новой.

Захлебывался водосток,
Шумела улица ненастьем.
Словам созревшим вышел срок, –
Скажи, куда теперь упасть им!

Кто подберет и голос даст,
И вложит в них к полету волю...
Нельзя, чтоб кто во что горазд
Их нежил без толку и холил.

Им мир дано преобразить
В стихах, в программах, в биенье сердца...
Им сталью стать, им песней плыть.
В их пламени – Вселенной греться.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Зашелестел... закапал...
Дохнул навстречу гул.
И город – сонной лапой
В проулок затолкнул.

Здесь небо теплым телом
Легло на туч погост...
– И гулом оголтелым
Встречали россыпь звезд.

А песня всё звенела,
На небе взяв разгон.
И не было ей дела
Ни до каких препон.

Затихни...

Стой...

И слушай...

Вот ветром полнит грудь...
Вот ливнем мир обрушит
И не передохнуть.

И дальше улетает...

Яснеет синева.

Гремит...

Стихает...

Тает...

И слышится едва.

1940 год

ЛЕТО 1940 ГОДА

Эту тишь... этот звон... этот зной
Не забыть, как разгадки науки...
Их, как с почты конверт заказной,
Принеся, отдадут прямо в руки.

Знаком росписи сердце поставь,
Диском солнца потом припечатай.
Эта хмарь...

Этот сон...

Эта явь

Оплывали в тиши непочатой.

Знали истины самую малость
Утонувшие в травах луга,
Где, казалось, от века нога
Не ступала ничья.

Где, казалось,

Мирозданье, проснувшись едва,
Узнавало свой образ в былинке.
Мудрено ль, что мертвеют слова,
Когда горло пронзят в поединке.

Если голову мне и сложить
Среди этих просторов придется, –

ЗИМА

Белые хлопья падают
На ресницы,
На темный мех
И льдяною лаской радуют
И опять поют о зиме.

И – смотрите – в заносах песен
Коченеют и вянут шаги.
Кругом – ни зги
Не видать
Сквозь хлопья летящих песен.

И опять
К губам и к коленям
Льнется легко – как детям...
И можно ли не пропеть им
Об их коченеющем плене.

Март

1942 год

МЫ ОТОМСТИМ

Чаша народного гнева полна.
За жен, за сестер, матерей

И замученных наших детей
Полчищам двуногих зверей
Мы
отомстим
сполна.

За наши сожженные города,
За растоптанные поля
Кровью заплатит вражья орда –
Так,
что содрогнется земля.

Нет и не будет пощады врагу.
Пуля,
 граната

 и штык
Его стерегут на каждом шагу,
И грозен простой их язык.

Смерть за смерть.
 И кровь за кровь.

Встал весь советский народ.
К родине нашей великой любовью
Нас к отмщенью зовет.

Гнева народного взмыла волна.
В ногу
 идем мы
 с ним.

Мы не забудем.

Мы не простим.

Мы

отомстим

сполна.

Февраль

1946 год

* * *

Кругом разноголосица
И не видать ни зги.
За всё за это спросится,
А чем отдать долги!

Чем за лазурь небесную,
За всё, что не забыть,
За эту жизнь тесную,
Скажи, чем заплатить.

– За эту дрожь весеннюю,
За сердца кутерьму,
За дружбы откровение
И за любовь саму!

За то, за то, любимая,
Что ты на свете есть,
И что неопалимая
Купина стала цвель.

И жизни самой мало бы
За жизнь чтоб заплатить,
И без единой жалобы
Глаза навек закрыть.

17 августа

* * *

Как сухо осени шуршанье
В неповторяемости дней,
Ведущих сон и увяданье...
Как даль прозрачней и видней.

И кажется, что можно сразу
Всё мирозданье оглянуть,
Теряя память, сон и разум.
И кажется, что снова в путь.

Пора... но сердце что-то медлит,
Не ведая, с чего начать:
Навстречу этим дням запеть ли
Или навеки замолчать.

Октябрь

* * *

Ночи тяжелою смутой полны,
И дни исступленные резче.
И песня, как пена на гребне волны,
[Лентой] узорною блещет.

Врезана в сердце, как в перстень алмаз...
Но ранят его грани.
Рвут на куски.
Что ж, напоказ
Лохмотья всей этой рвани!

Нищий гидальго, укрывшись плащом
Руку – умрет – не протянет.
Гейне когда-то писал еще,
Что от таких вот житья нет.

Октябрь

1947 год

* * *

Заката алый уходил отлив
За горизонт. Темнела даль. И сердце,
Дыхание в груди остановив,
Уж не смогло б от правды отпереться.

Но рельс уже сливался перезвон
И глохли терции неизвестных созвучий
– Таких, что кажется, такой услышав стон,
Сама земля забила бы в падучей.

И город глох. И небо лиловело,
И сумрака лились тускнеющие реки.
– О если б Лета! Но судьба велела,
Что нет забвенья ныне и навеки.

Сентябрь

* * *

Как Микель-Анджело резцом,
Так нас ваяет жизнь грустью.
С судьбой сведен к лицу лицом,
Поймешь ли всё ее бесчувствие.

И вот вырастаешь в гул веков –
И в превращениях – неизменный.
Скажи, тебе стоять легко
Открытым всем векам вселенной,

Когда огнем душа объята,
А в жилах леденеет кровь
И не срифмуешь с ней любовь
За неимением адресата.

И молчаливо мир глядит,
Бесстрастен, ясен, вечно правый,
Как рвутся у тебя в груди
Последних крайностей суставы.

Октябрь

* * *

Как будто взрывом разворочен,
В полнеба пламенел закат.
Высчитывали там построчно
Стихи,

 Любовь,
 И рай,
 И ад.

Что причитается – отпустит
Нам вечер благостной рукой
– Немного счастья.

 Больше грусти...
И сердце полонит тобой.

Сверкнет далекая зарница...
Чуть ветер прошумит листвою...
И можно ли не породниться
В такую ночь со всей землей.

Октябрь

1948 год

* * *

Когда с листвы блестящей брызнет
Росой алмазной бытие,
Весь мир большой – как облик жизни
Войдет в сознание твое.

Но не задерживаясь, мимо
Дни жизни заскользят, как тень,
И будет всё неповторимо,
Как в тот, начальный, жизни день.

И свежесть раннего рассвета,
И ветер с дремлющих планет,
И взлет бровей. И нежность эта
И боль, которой меры нет.

Когда земля исходит пеньем
И глохнет в далях высоты,
Жить можно только вдохновеньем,
В нем жизни находя черты.

25 июня

НЕУСТАНОВЛЕННЫЕ ГОДЫ

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Нынче солнце снова песней с поднебесья
Льется в омут зноя, леса и песка.
Тишину вселенной на ладони взвеса,
Где ты можешь нынче тишину сыскать?

Это образцово. Нет ни с чем сравненья.
День набухшей почкой никнет у плеча.
Он еще не тронут синевою тленья,
Он еще в бессмертье верит сгоряча.

И смолы горячей чуть роняя капли,
В головокруженье обретенных прав
До конца всех дней один сегодня запил
Пьяной радостью пахучих горьких трав.

* * *

Это тебе навеки
Песни, и жизнь, и сны.
Это тебе навеки
Отблески первой весны.

Это тебе, как пламя
То, что живей всего.
Это тебе – как память
Сердца моего.

А. Л. ШТИХ. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Биография Александра Львовича Штиха (13/26 октября 1890 – 30 сентября 1962) не изобилowała внешними событиями. Можно сказать, что он прожил жизнь, характерную для тех людей его круга, которым жестокая эпоха всё же позволила умереть на склоне лет если не в собственной постели, то хотя бы на больничной койке.

Второй сын в семье известного московского врача-отоларинголога, Штих с 1901 года учился в 4-й Московской гимназии, которую в 1909 закончил с золотой медалью, что дало ему право поступить на юридический факультет Московского университета. Окончив его в 1914 году, Александр Львович пошел на службу в контору Романово-Борисоглебской¹ льняной мануфактуры. Одновременно он работал учителем и гувернером в большой семье управляющего этим предприятием. Не обошла его стороной и безответная влюбленность в старшую дочь управляющего, Н. И. Штуцер. Освобождение от воинской повинности по зрению (Штих с детства был сильно близорук) спасло его от фронтов Первой мировой и всех последующих войн.

Революционные события 1917 года вовлекли молодого человека в свою орбиту. Осенью 17-го он – секретарь профсоюза торгово-промышленных служащих и участвует в организации Уездного Совета Рабочих Депутатов, а в январе 1918, уже в качестве члена этого Совета, едет в командировку в Петроград «для выяснения вопроса о плане снабжения Ярославской губернии продовольствием».

¹ Романов-Борисоглебск – город на Волге в Ярославской губернии. В советское время назывался Тутаев.

Как известно из истории, в Советах Ярославской губернии большинство принадлежало эсерам. Летом 1918 года в Ярославле и окрестных городах был поднят мятеж. Он являлся частью общероссийского антибольшевистского восстания, однако через 16 дней был подавлен частями Красной армии. Об участии Штиха в этих событиях на сегодняшний день ничего не известно. Зимой 1918–1919 годов Александр Львович жил уже в Москве по старому адресу, в Банковском переулке, и работал экономистом-юрисконсультom в Главсельпроме. По понятным причинам сам он впоследствии о событиях того времени и своем участии в них никогда не рассказывал, в ВКП(б) не вступал и вел жизнь скромного служащего.

В 1922 году Александр Львович женился на Татьяне Сергеевне Волохиной, медсестре, происходившей из семьи херсонских купцов. В 1926 у них родилась дочь Наташа.

В июле 1941, практически сразу после начала Великой Отечественной войны, их семья вместе с министерством, в котором работал Штих, была эвакуирована в Иваново, а затем в Барнаул, откуда они вернулись в мае 1943. Вскоре Александр Львович овдовел: Татьяна Сергеевна умерла от инфаркта на пятидесятом году жизни, через полгода после долгожданного возвращения домой.

В начале 1950-х, уже ближе к концу известной кампании, именованной «борьбой с безродным космополитизмом», Штиха понизили в должности и задвинули в какое-то второстепенное подразделение. Видимо, его непосредственное начальство – люди порядочные – им как сотрудником дорожило и таким образом хотело уберечь от кар более серьезных. Вскоре после смерти Сталина, когда кампанию эту повсеместно свернули, Александра Львовича восстановили в его прежней должности заведующего секцией. В ней он и проработал до пенсии, на которую вы-

шел в 1958 году, а через четыре года после нескольких месяцев болезни умер.

Такова внешняя, «анкетная» биография Штиха. Главным же, что наполняло его душу всю жизнь, было искусство. Человек незаурядных способностей, в детстве и юности он получил достойное образование и кроме обязательных наук хорошо играл на рояле, учился живописи, до революции успел посетить Италию, Германию и Австрию.

Примерно в 1905–1906 годах Александр Львович начал писать стихи и продолжал сочинять их практически всю жизнь.

Можно сказать, что главным духовным событием его жизни была дружба с Борисом Пастернаком. Их познакомили родители: отец Александра, Лев Семенович, лечил детей Пастернаков. Отношения семей переросли в дружеские, маленьких Штихов (Анну, Александра и Михаила) с родителями приглашали в гости на елки и другие праздники. Одногодки Борис и Александр подружились, с 1906 года даже при коротких разлуках переписывались. Сохранившиеся письма Бориса Пастернака к Александру Штиху свидетельствуют о необыкновенно близких, исповедальных отношениях, сложившихся между молодыми людьми в период, когда они оба, взрослея, искали ответы на самые важные в жизни вопросы.

Писать стихи они начали приблизительно в одно время. В письмах 1911–1912 годов Пастернак отзывается о Шуриных произведениях восторженно:

«...ты настоящий лирик, с совершенно ясной способностью участвовать в широком недостижимом горизонте лирического поля как элемент его...»

«Ты и не знаешь, как всё это хорошо и художественно зрело».

«...твое “когда осенние непогоды с земли срывают цветной убор” не кончается собой, и как-то бесконечно означает собою

цельный край лиризма <...>. Вот как действует твоё стихотворение».

«Мне было так хорошо от твоих стихов. Какое-то болезненное наслаждение отдался их потоку».

Однако в письмах 1913 года, сохраняя в целом доброжелательный тон, Пастернак оценивает их уже более критически:

«А то ты меня заставишь анализировать вещь, и я скажу тогда, что [хорошо] не всё стихотворение, а только отдельные строки его, и даже не строки, а их ритм...»

«О некоторых стихах <...> мне хотелось бы поговорить с тобой. В них часто интересные и нужные мысли, красиво выказанные, напрашивающиеся на трактат в духе Рескиновских писаний. Но это не стихи, они не решаются быть стихами по соседству с другими...»

В 1914 же, когда Штих готовился издать свои стихи отдельной книгой, Пастернак, уже признанный поэт, пишет родителям:

«...Шура Штих осенью хочет свои стихотворения издавать; вот в этом письме второй раз приходится признать межевую линию там, где чудится переход незаметный и безразличие. Есть какая-то глубоко вырытая канава между вечно верным себе дилетантическим дарованием и себя не щадящим, вечно себе изменяющим дарованием художественным. О, как неисправимо всегда и везде священнодействует дилетант. Какое отсутствие иронии над собой, смешка, легкости, простоты и какого-то будничного недоумения перед тем, как празднуют свои будни окружающие. <...>

Они лиричны, теплы, искренни, но бледны, там же, где он становится смелее, я невольно готов его спросить, к чему мне са-

тому издаваться вторично в расшифрованном, дополненном и разъясненном издании».

Выход книги Штиха по ряду причин задержался, напечатана она была только в 1916 году. Пастернак получил свой экземпляр по почте – он тогда работал на Урале в конторе химического завода. Борис сразу же откликнулся:

«Дорогой Шура! Только что получил твою книжку и шумно и горячо тебя поздравляю с дебютом. <...> О стихах мы говорили часто и много. Нового могу сказать тебе только то, что очень хорошо, что ты их издал, они во всяком случае заслуживают того. Ты родился под счастливую звездой и потому, что в печатном виде эти стихи более похожи на те внутренне согретые творчеством представления, которые у тебя зарождались, чем на то, во что обращались они, охлажденные дефлегматорами слушателей и друзей. Они путаны и сложны и часто беспомощны, и тон выдержан с начала до конца редко в каком. Но этого всего можно и нужно достигнуть, – а от этого первого дыхания веет истинною живостью. Это то поэтическое l'aspirant, с которого начинается полный голос поэта, и эти прелюдии корят меня той бессердечной слепотой, с какою я отсоветовал тебе их печатать.

Дай Бог тебе истинного преуспевания не этом пути, я страшно рад за тебя и пока ни о чем другом не хочу говорить».

Переписка друзей затухла в начале 1920-х, однако теплые отношения остались. Сохранились их письменные свидетельства – дружеские надписи на подаренных Пастернаком Штиху книгах. Борис Леонидович следил, чтобы у аккуратнейшего Александра Львовича они были по возможности все, часто отдавал на хранение черновики,

так как знал, что у него самого книги и бумаги вечно терялись. Приносил с просьбой сохранить и подаренные ему самому особо дорогие, подписанные авторами книги. Когда при подготовке новых изданий нужно было править старые вещи, Пастернак знал, что всегда может найти всё что нужно у Шуры Штиха

Горячий интерес к искусству Штих сохранял всю жизнь. Выйдя на пенсию, неукоснительно посещал все художественные выставки, слушал музыку, следил за перипетиями Первого конкурса имени Чайковского и, как все, остро болел за Клиберна. Сам играть он уже не мог из-за болезни руки. Всю жизнь стесненный в средствах, никогда не экономил на книгах, и книжные стеллажи были единственной обновляемой мебелью в комнате бывшей докторской квартиры, которая давно стала коммунальной – в ней проживало семь семей. Александр Львович с дочерью, а впоследствии и с внуком занимали бывшую гостиную.

Штих пережил Пастернака на два с половиной года. После смерти Бориса Леонидовича пришел к его сыну и передал ряд документов, познакомил с письмами и многое рассказал об их общей молодости – из того, что кроме него к тому времени мало кто мог рассказать. Он очень остро переживал ситуацию, сложившуюся в СССР вокруг друга его юности, объявленного в 1958-м предателем и отщепенцем. Человек культуры, он прекрасно понимал масштаб личности и творчества Бориса Пастернака. Верил ли в те глухие годы, что рано или поздно тот займет подобающее ему место в отечественной литературе и в школьных учебниках? Воистину, справедливость торжествует всегда, но вершится долго, и обычно жизни не хватает, чтобы в этом убедиться. Во всяком случае, Александр Львович торопился сохранить от забвения всё, что мог.

Сегодня имя Александра Львовича Штиха стало хорошо известно по биографиям Бориса Пастернака. В связи

с этим пробудился интерес и к его собственному творчеству – по определению Леонида Черткова «скромному, хотя и достаточно яркому и самобытному, входящему своим особым соцветием в “вертоград многоцветный” русской поэзии».

Стихотворения А. Л. Штиха в настоящем издании публикуются по рукописям, хранящимся в РГАЛИ (Ф. 3123, Д. 1,2,8,11–13), а также в личном архиве автора этой статьи.

С. В. Смолицкий

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Имя А. Л. Штиха в восприятии как филолога, так и широкого читателя накрепко связано с биографией молодого Б. Л. Пастернака и с историей создания главной пастернаковской книги стихов «Сестра моя жизнь». Знаменательный факт, что в 1916 г. друг Пастернака Штих выпустил в свет собственный поэтический сборник, в который входило 36 стихотворений, известен далеко не каждому. А о том, что он и впоследствии продолжал писать стихи, общее количество которых составляет около 500 текстов, не знает практически никто. Между тем обращение к творческому наследию этого поэта дает интереснейший материал, так или иначе вписанный в историю русского «серебряного века». Конечно, Штих не принадлежал к поэтам первого ряда. Однако именно это обстоятельство позволяет разглядеть в его стихах предпочтения современников, поворотные пункты литературной эпохи, механизмы «поэтического делания», которые остаются скрытыми для постороннего глаза в произведениях мастеров.

Период активного творчества в жизни Штиха очень короток – с 1910 по 1921 гг. За это десятилетие молодой поэт проделал большой путь: от неловких подражаний классикам («Отрывок», 1905–1909) до искусно выполненных лирических миниатюр, многие из которых вполне оригинальны по теме и исполнению («Вокзал», 1915; «Пируй, пируй! Похмелье бреда...», 1916; «Петербург 1917»). Самыми плодотворными годами следует признать 1914–1916, когда Штих был буквально за шаг от того, что уже можно считать самостоятельным творчеством. Очевидно, эти годы были временем и самых больших надежд автора на профессиональную поэтическую самореализацию, недаром завершились они выпуском книги стихов.

Его ранние опыты преимущественно воспроизводили, и иногда очень удачно, стилистику великих и второстепенных поэтов прошедшего столетия – Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Надсона. Обладая хорошим чутьем, Штих улавливал мельчайшие особенности их поэтики и создавал свои вариации-подражания. Так, например, в стихотворении «Молний змеились улыбки...» (1910) поэт использует характерный для Тютчева прием: архаичные уже для XIX века двойные прилагательные. По замечанию Ю. Н. Тынянова, «Тютчев еще усовершенствовал этот прием, не только сливая близкие слова, но соединяя слова, как бы безразличные по отношению друг к другу, логически несвязанные»¹. Подмеченное гениальным филологом не ускользнуло и от внимания начинающего поэта:

Молний змеились улыбки
В небе, обернутом мглой,
Ярки, заманчиво-зыбки,
Тешась мгновенной игрой.<...>
Гасли... опять разгорались,
Небо терзали войной...
То развивались-свивались
Ярко-чешуйной змеей.

Однако Штих не ограничивается уроками прошлого. Современность, богатая новыми поэтическими открытиями, властно вторгается в его стихи. Находясь под влиянием романтического мироощущения, Штих, по-видимому, с интересом читает парижскую книгу Н. С. Гумилева «Романтические цветы» (1908). Подражание гумилевской «Балладе» («Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...») –

¹ Тынянов Ю. Н. Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю. Н. История литературы. Критика. СПб., 2001. С. 392–393.

«С края кряжистых круч уронил я тот ключ...» (1911). Стоит обратить внимание на богатую звукопись этого стихотворения, во многом превосходящую весьма насыщенный в этом отношении текст Гумилева. Прием, основанный на обыгрывании драгоценного для лирического героя предмета, совсем не новый в мировой литературе. Именно на Гумилева здесь указывают характерные синтаксические обороты с многочисленными повторами – мелочь, не ускользнувшая от внимания Штиха: «По лесам, по горам, по бескрайним долам / Я плутал, я блуждал без дороги», «Я душою устал, я ключа не видал, / Я изранил в скитаниях ноги» (ср. в «Балладе»: «Много звездных ночей, много огненных дней / Я скитался, не зная скитанью конца»).

В более поздние годы таких текстов-подражаний Штих уже не писал, но мотивы, принадлежащие крупнейшим поэтам прошлого и современности, то и дело звучат в его опытах. Так, например, в зачине «Балагана» (1915): «Вопль обуглившихся терций / На тугом разрыве струн...» – узнается знаменитый пастернаковский образ из стихотворения «Венеция» (1913), кстати, в первой редакции посвященного Штиху: «Висел созвучьем Скорпиона / Трезубец вымерших гитар». А стихотворение «Вокзал» (1915) содержит узнаваемые блоковские образы: «И было небо – просто далью, / Такой же синей, как глаза / Под опечаленной вуалью...»; «И в пенье меди трепетала / Такая узкая рука» (ср. с «Незнакомкой» А. Блока, 1906). Так что Борис Пастернак немного преувеличивал, когда писал о творчестве Штиха: «... Там же, где он становится смелее, я невольно готов его спросить, к чему мне самому издаваться вторично в расширенном, дополненном и разъясненном издании»¹. Надо, однако, признать, что необходимый почти

¹ Письмо родителям от начала июля 1914 г. // Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. В 11 т. М., 2005. Т. 7. С. 180.

для каждого молодого поэта ученический период в творчестве Штиха был очень долгим. Авторитеты, на которые он ориентировался в начале своего пути и которым подражал, сменились другими, но собственного яркого поэтического языка Штиху так и не удалось выработать.

Несмотря на это, поэзия Штиха остается безусловным явлением в истории русской литературы. Его стихи на редкость автобиографичны. Лирический герой Штиха чрезвычайно близок к личности автора. Эта особенность, с одной стороны, предопределяет довольно узкий тематический диапазон, с другой, создает неповторимый лирический колорит, который отметил Б. Пастернак в своем нелицеприятном отзыве на стихи друга («лиричны, теплы, искренни»¹). У Штиха много пейзажной лирики, но чаще всего это психологические зарисовки, уходящие корнями в допушкинскую эпоху. Он умеет несколькими штрихами создать если не картинку, то настроение, которое легко прочитывается в небольших по объему текстах. Иногда достаточно пары строк, для того чтобы угадать авторский замысел: «В разгар весны благоуханной / Осенний заблудился день», «Истаяло сердце весенней капелью, / Усталой истомой чернеющих вод», «Дождя ноябрьского сумрачная жалость / Над зябким городом, закутанным в туман». Стихи Штиха необычайно музыкальны: повторы, рефрены, сквозные образы – почти регулярная особенность его произведений. Интонация напева поддерживается богатой звукописью и составными рифмами, которые поэт использует с большим вкусом, нисколько не утяжеляя текста:

Крутилась злобная метель,
Придя из потемневшей дали;

¹ Там же.

И стлала белую постель
Для потревоженной печали.
И стлала белую постель...
Опять взметала недовольно...
И выла злобная метель,
И мир весь затихал невольно. (1912)

Смотрите, из какой гавани
Плывут эти корабли,
И как везут слова они
Об ней, об Аннабель Ли. (1915)

Поэзия Штиха, как полагается настоящей поэзии, насыщена разнообразными образами. Нельзя говорить об оригинальности каждого из них, но среди заимствований и аллюзий встречаются собственные интересные находки: «Поставив парус голубой, / Июльский день отчалил», «Реки певучее стекло», «Это время не то. Эти годы – другие. / В них подстрочником дня – темнота синевы», «И солнца черные поля – / Как пес больную лапу – лижет».

Для этой книги мы пытались отобрать, во-первых, лучшие стихотворения Штиха, обладающие либо неповторимой напевностью, либо выразительным образным строем, либо смелыми новациями формы. Во-вторых, нам хотелось представить вниманию читателей самые характерные тексты Штиха, в которых отчетливо заметен и его чуткий поэтический слух, и оригинальное дарование. В-третьих, мы включили в книгу все его стихотворения, так или иначе связанные с именем Б. Пастернака. Фактически этот выбор за нас сделал сам Пастернак. Нельзя также сказать, что оставшиеся за пределами настоящей публикации тексты однозначно хуже и бледнее вошедших в состав этой мини-книги. Большая книга стихов Штиха еще ждет своего часа.

А. Ю. Сергеева-Клятис

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ КНИГИ «СТИХИ»

И открывал мне каждый поворот	3
Осень (Тихо и печально в роще опустелой)	3
ПЕПЕЛ (Когда закат свой пепел сложит)* ¹	4
Тишина одинокого ложа*	5
Одиночество (Трещит вентилятор, словно сверчок)* ...	6
Ночные колокола (В печальной яви всё те же дали)*	6
Истаяло сердце весенней каплей	7
ПЕСНЯ О КАСПЕРЕ ГАУЗЕРЕ (Из темного подземелья)*	8
Вокзал (В звенящей пустоте асфальта)	9
БАЛАГАН (Воплъ обуглившихся терций)	10
ПРИЗНАНИЕ (И это – просто, как отчаянье)	11
О, эти призрачные вещи	12
Смотрите, из какой гавани	13
Поставив парус голубой	14
Тоска (Скажите, что может быть проще)	14
Сломался ключ. И слесарь умер. Бледный	15

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Ранняя пора (До 1910 г.)

Утес (Средь моря гордо поднимаясь)	17
Отрывок (Хлопьями падает снег)	18

¹ Стихотворения, помеченные звездочкой, упомянуты или отмечены Б.Л. Пастернаком.

Пожаром будто весь объятый	18
В этом свете бездушном, холодном	19

1910 год

По полям поползли туманы	20
Молний змеились улыбки	21
Сторожа ручья извивы	22
Смутно потухает сумрачная даль	23

1911 год

С края кряжистых круч уронил я тот ключ	24
Когда осенние непогоды*	25
Каждый день в душе моей*	25
И снова я свой зов бросал*	26
Сосны (Беспокойные лапы ветвей)	27
Поэту (Иди, певец, будь искрой света)	27
В час заката, в час вечерний*	29
В хаосе ломких изгибов прибоя	29

ЗАКАТЫ

I. День уходил в плаще багряном	30
II. Вдовицей в траурном уборе	31
I. Распустились закатные маки	31
II. Опадают закатные маки	32
Зачем вам далекое небо, о люди	33
Я знаю, что образ каждый	34
Как бег волны, что с океаном слита	35
Смутной тревогой оваян	35
Дух безумного веселья	36
В сумраке ночи зловещей	36
Нежней хрустального бокала	37
Падал снег холодный, белый	38
Последние полосы бледной зари	38

1912 год

Есть слова, которых не забудешь	39
Крутилась злобная метель	40
Пожалей, пожалей же, хмельная весна	41
В ПУСТОЙ КОМНАТЕ (Сонно тишину колышет)	41
Затихали поля, одеваясь туманом*	42
Огни вокзальные сбегали*	42
Звезда моей любви, – любовь моей печали*	43
Я понесу мою любовь*	43
Легла извивами дорога	44
Так тихо в комнате у Вас	44
Маки алые безумья	45
Сказка (Мягкою и нежной дымкой)	46
Ночь осенняя беззвездна	49
Морозом выкованный воздух	50

1913 год

И будут сны мои как степи*	50
Она молиться запретила*	51
Рождение Афродиты (Из пены морской, из пены морской)*	51
Суровый ветер разрушил храм	52
Гудит, крутит метелица*	53
К небывалым городам*	53
ВЕСЕННЕЕ (Влагой теплой и нешумной)*	54
РАННЯЯ ВЕСНА (В неуверенности сладкой)	55
Усталый день так тих и прост*	55
Весенний вечер был пылен и тих*	56
ДЕВИЧЬЕ (Далеко за горой)*	57
Весна пришла... и плачут дали	57
В разгар весны благоуханной*	58
Уж я давно молчу	59
В пустынном поле – одинокий*	59

Люблю лесов уединенье	60
Родина (Всё шире полевые дали)	61
Земля усталым перегнутом*	61
Словно чашечки слез, пожелтелые листья	62
О, как манит предвечной тайной	63
Это надо мною*	63
И я снова сегодня у ног Твоих*	64
Печальной осени виолончель*	65
Чуть выпал снег.. И снова стоял*	66
Опять пушистую метелью	66
Готический портал дождей	67

1914 год

И вновь из пепла тяжких мук*	68
Убегает дорога печальная	68
На плахе поля, выдан на правож*	70
Скрижали сердца – скрижали муки	70
Навзрыд, навзрыд, взрывая зори	71
И снова дум кадящим дымом	72

1915 год

Музе (Так безмятежно дышит грудь)	72
Тоска (Шальных гудков автомобильных)	73

1916 год

Пируй, пируй! Похмелье бреда	74
Пусть так. Пусть Ты – мечта.	74
Дождя ноябрьского сумрачная жалость	75

1917 год

Это время не то. Эти годы – другие	76
Весна (И день. Ликующие сходни)	77

1918 год

ПЕТЕРБУРГ 1917 (В борьбе стихий, в разгуле гроз)	78
Забилась – и схлынула	79
Вот оно – глухое Черное	80

1919 год

Закат молчит. Бездумен и глубок	81
Всё позабыла. Смеешься ему	83
А там, как прежде, мучают	84
Больной (Он был в миру ином. И дик)	85
И даже не вскрикнул. Пылающим зноем	86
И если ночи напролет	87

1920 год

В скачке безумных вздыбившихся клавиш	88
Кто знает, почему, когда в молчанье черном	89

1921 год

Из облаков вечерней пыли	90
Двойнику (Он к сердцу приложил наган)	91
А Ты опять встаешь вдали	92

1925 год

А за грозой, лазурь ломавшей	93
Над городом хлопьями черного снега	94

1938 год

Лирически сродни экстазу	94
Грудь морская дышала	95

1939 год

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВЕСНА(О, таяния черный гуд)	96
Летний дождь (Зашелестел... закапал)	97
И здесь, на тающем дворе	98

1940 год

Лето 1940 года (Эту тишь... этот звон... этот зной) 99

1941 год

Уж сорваны все якоря 100

Зима (Белые хлопья падают) 101

1942 год

Мы отомстим (Чаша народного гнева полна) 101

1946 год

Кругом разноголосица 103

Как сухо осени шуршанье 104

Ночи тяжелою смутой полны 105

1947 год

Заката алый уходил отлив 105

Как Микель-Анджело резцом 106

Как будто взрывом разворочен 107

1948 год

Когда с листвы блестящей брызнет 108

НЕУСТАНОВЛЕННЫЕ ГОДЫ

Летний день (Нынче солнце снова песней
с поднебесья) 109

Это тебе навеки 109

*С. В. Смолицкий. А. Л. Штих. Биографические
сведения* 110

А. Ю. Сергеева-Клятис. Послесловие 117

Штих А. Л.

Ш91 Истлевших лет живые сны: Избранные стихотворения. – М.: Водолей Publishers, 2008. – 128 с. (Малый Серебряный век).

ISBN 978–5–9796–0110–6

А. Штих (1890–1962) если и известен любителям поэзии, то только по биографиям Б. Пастернака в качестве друга его юности и адресата многочисленных писем. Однако сами стихи Штиха, вызывавшие комплиментарные отзывы юного Пастернака, читателям незнакомы – единственная его книга, изданная в 1916 г., сегодня сохранилась едва ли не в единичных экземплярах. Настоящее издание дает возможность познакомиться с творчеством поэта достаточно самобытного, но так и не узнавшего прижизненной известности.

ББК 84Р7-5

Штих Александр Львович
Истлевших лет живые сны
Избранные стихотворения

Литературно-художественное издание

Технический редактор А. Ильина
Корректор В. Резвый

Подписано в печать 20.11.07. Формат 60х90/32
Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль
Печать офсетная. Печ. л. 4
Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство «Водолей Publishers»
119330, г. Москва, ул. Мосфильмовская, 17-Б
тел. (495) 786-36-35. E-mail: agathon@humanus.ru

Отпечатано в ИПП «Гриф и К°»,
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а